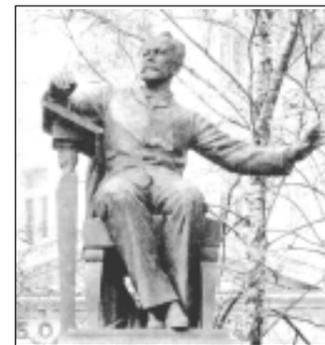

РОССИЙСКИЙ МУЗЫКАНТ

ГАЗЕТА МОСКОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНСЕРВАТОРИИ
ИМЕНИ П.И.ЧАЙКОВСКОГО

№3 (1241)
МАРТ
2006
Выходит
с 1938 года

В СТРАНЕ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

С 17 по 22 февраля 2006 года состоялись гастроли Камерного хора Московской консерватории под управлением профессора Б.Г.Тевлина в Японии. Поездка была осуществлена в рамках «Фестиваля Российской культуры в Японии 2006 — Новая Россия», по приглашению общества «Япония — страны Евразии».

Б.Тевлин с организаторами гастролей Мичико и Тамэоко Кавасаки

Многое в этих гастролях складывалось «как всегда»: оперативная подготовка (три новых программы — отечественная классика и современная музыка, народные песни — за полторы недели), напряженный график (5 концертов и встреч с хорами за 6 дней без скидок на смену часовых поясов), упорный труд и высокая ответственность руководителя и певцов. Но присутствовал также некий элемент принципиально нового, доселе неизданного, ведь вслед за Европой и Америкой хор профессора

Тевлина впервые открывал для себя Азию, а точнее — Страну восходящего солнца, тысячелетнюю и вечно молодую, радушно встречающую артистов и вместе с тем требующую от них высочайшего художественного пилотажа: японская публика уже давно заслужила репутацию одной из самых чут-

ких, эмоциональных и одновременно взыскательных в мире. Стоит ли говорить, что предгастрольное волнение исполнителей было несколько большим, нежели обычно?

Три основных фестивальных концерта проходили в лучших залах «Большого Токио»: гигантском «Parthenon Tama», легендарном «Tokio Bunka Kaikan», где выступают крупнейшие музыканты планеты, и не менее известном концертном зале префектуры Канагава в Иокогаме. Слушатели познакомились с мало известным им

пластом русской музыки — произведениями для хора а саррелла, восторженно рукоплескали сочинениям Чайковского и Танеева, Рахманинова и Шостаковича, Шнитке, Щедрина, Губайдулиной, Леденёва, Эшпая, Калистратова и других отечественных мастеров. С большим воодушевлением были приняты театрализованные номера, и это неудивительно: японцы, воспитанные в специфических традициях национального театра, особенно восприимчивы к синтезу пения и сценического действия, присущему стилю Б.Г.Тевлина. Глубоко поразила поистине трогательная любовь наших слушателей к русским песням, как народным, так и созданным композиторами.

Навсегда останется в памяти проходившая в «Parthenon Tama» ежегодная Весенняя встреча самодеятельных хоров, исполняющих песни нашей Родины. Выступило более двадцати коллективов разных возрастных категорий, объединенных интересом и трепетным отношением к российской культуре. И, на наш взгляд, лучшими среди них были хоры, руководимые Мичико Кавасаки — воспитанницей Московской консерватории, одной из первых выпускниц класса Б.Г.Тевлина, сделавшей очень многое, чтобы гастроль Камерного хора в стране Ямато состоялась.

Именно в Таме мы впервые столкнулись с необыкновенным, близким к идеальному, восприятием музыки публикой, суть которого — сопереживание, внутреннее единение с артистами и, как результат, полное и глубокое постижение композиторского и дирижерского замысла. Свидетельством активного сотворчества зала становились не только долгие и горячие аплодисменты, не только одухотворенные лица, на которых появлялись то слезы, то улыбки, — люди раскачивались в темпоритме звучащего произведения, повторяли движения в театрализованных номерах и... беззвучно подпевали почти все русские песни. На русском языке!

Запомнились дружеские встречи с «русско-японскими» хорами Токио и Иокогамы, певцы которых — ученые, биз-

несмены, общественные деятели — в течение вот уже многих десятилетий посвящают свое свободное время музыке нашего Отечества. Поразительный факт: в репертуаре некоторых таких коллективов (напомню, состоящих ТОЛЬКО из японцев) до СЕМИСОТ русских и советских песен!

песни «Сакура»...

С благодарностью вспоминается оказанное нам гостеприимство: прекрасные бытовые условия, гигантская культурная программа, включавшая в себя посещение музеев, памятников истории и культуры (включая священный для каждого россиянина православный Свято-Николаевский собор), великолепный спектакль театра Кабуки, экскурсию в Диснейленд. Особые слова признательности — нашему заботливому гиду. Кодзияман с утра до ночи находился рядом — спокойный, заботливый, готовый решить любые проблемы, ответить на любой вопрос.

Давно уже приземлился в заснеженном Шереметьево самолет, вернувший Камерный хор из весенней восточной

Группа хора с членами общества «Япония — страны Евразии»

Думается, столь удивительное умение полюбить и постичь чужую культуру проистекает из свойственной жителям Страны восходящего солнца фанатичной преданности собственной культуре, чему мы также неоднократно бывали свидетелями. Далеко не в каждом государстве исполняемая «на бис» национальная музыка вызывала такой шквал эмоций, как в Японии — созданная специально для Камерного хора педагогом кафедры хорового дирижирования, композитором Ю.А.Потенко обработка знаменитой

сказки к повседневной творческой жизни. «Открытие» Страны восходящего солнца успешно состоялось. В сердце будут жить воспоминания о высоких минутах вдохновения на концертной эстраде, надежда на новые встречи с уникальной японской публикой, благодарность нашему учителю, Борису Григорьевичу Тевлину — Мастеру, открывающему нам сокровенные тайны хорового искусства.

Евгений Волков,
преподаватель кафедры
хорового дирижирования
Фото А. Соловьева

На концерте в г. Тама 18 февраля 2006 г.

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

СИЛА ПОДВИЖНОСТИ

К 90-летию со дня рождения Л.И.Ройзмана

Немало лет уже прошло со дня кончины **Л.И.Ройзмана** (1916–1989), и чем дальше уходит от нас прошлое, тем лучше мы можем оценить масштаб его личности. Ученик А.Б.Гольденвейзера по фортепиано и А.Ф.Гедике по органу, Ройзман в 1957 году возглавил органный класс Московской консерватории. Трудно перечислить все, что ему удалось сделать за три с небольшим десятилетия для органной культуры не только России, но и всего бывшего Союза. Ведь к концу 50-х годов органные концерты проходили лишь в Москве и Ленинграде, изредка в столицах Прибалтики, во Львове и Ташкенте. Все инструменты были в плохом состоянии и никак не отвечали требованиям, которые можно предъявить к концертному органу.

Леониду Исааковичу удалось убедить Министерство культуры в необходимости строительства новых и реконструкции старых инструментов. Была создана Постоянная комиссия по органостроению. И вот — всего несколько фактов. 1958 год — фирма «Герман Ламан» из Лейпцига реставрирует знаменитый «Аристид Кавайе-Коль», французский романтический орган Большого зала; 1959 год — установка немецкой фирмой «Александр Шук» нового инструмента барочного типа в Малом зале консерватории и чехословацкой фирмой «Ригер-Клосс» — нового большого органа в Концертном зале им. Чайковского. Дальше — новые органы в Нижнем Новгороде, Вильнюсе, Баку, Алма-Ате, Ереване, Минске, Таллинне, Тбилиси, Свердловске, Казани, Ярославле...

Сколько нужно было сил и энергии, чтобы все это осуществить! Конечно, действовал Леонид Исаакович не один, но, как говорится, в каждом деле должен быть зачинщик, на котором все держится... Небывалый всплеск интереса к органной музыке, открытие органичных классов в консерваториях союзных республик, постоянные аншлаги на концертах, многочисленные лекции... И ученики.

Ученики Ройзмана — особая тема. Э.Мгалоблишвили стала первой органисткой Грузии, основательницей местной органной школы. Л.Дигрис возглавил органный класс Вильнюсской консерватории. Г.Козлова около 40 лет преподавала в Нижегородской консерватории, из ее класса вышло не одно поколение музыкантов. О.Янченко создал настоящий центр органной культуры в Минске, а затем преподавал в Казанской и в конце жизни — в

Московской консерватории. Безвременно погибший В.Тибенихин стал основателем органной школы в Казахстане. Органная кафедра Московской консерватории, возглавляемая последователем и преемником творческих принципов Леонида Исааковича — проф. Н.Н.Гуреевой, где преподают его ученики в первом и втором поколении (проф. А.А.Паршин, доц. А.С.Семенов, доц. Л.Б.Шишханова, доц. Д.В.Дианов, А.М.Шмитов, Е.Н.Цыбко), — продолжает традицию Ройзмана в обучении органному исполнительству. Концертные органы Большого и Малого залов консерватории и учебные инструменты, стоящие в классах, находятся в хорошем рабочем состоянии благодаря высокому профессионализму и преданности своему делу зав. органной мастерской Н.В.Малиной.

Генеалогическое древо органного класса Ройзмана весьма внушительно. Не будет преувеличением сказать, что три четверти ныне выступающих органистов — его ученики или ученики его учеников. А сколько было тех, кто занимался органом факультативно — теоретиков, дирижеров, композиторов? Всем ученикам Леонид Исаакович давал прежде всего твердые основы — школу, освоив которую можно было идти своим путем. Он требовал ясности в передаче текста, тщательности в проработке деталей. Был строг, нам казалось, что иногда излишне придирчив, излишне требователен к мелочам.

Придя на урок, надо было показывать произведение почти готовым. Оправдания в расчет не принимались. А ведь условия для занятий были вовсе не легкими: полтора-два часа в день — либо с семи утра, либо поздно вечером (тогда в консерватории еще не было отдельных органичных классов). Не дай Бог было опоздать на репетицию на несколько минут. Кара за это была нешуточная: студент на неделю лишался занятий. Иногда перед началом урока Леонид Исаакович всевидящим оком окидывал фасад органа, и, если обнаруживал три пылинки — поднимался скандал. Если на клавиатуре виднелись следы пальцев, то до тех пор пока все не вычищалось до блеска, ни о каких занятиях не могло быть и речи. Он пытался воспитать в нас отношение к инструменту.

Профессор знал, что взрослая жизнь никому не даст побла-

жек, и ставил задачи максимальные, точные — он терпеть не мог приблизительности. Помнится, Ройзман как-то заметил студенту, благополучно и скучно сыгравшему баховскую фугу: «Деточка, такая игра называется не интерпретацией, а информацией. Вы нас проинформировали, что такое-то произведение существует,

и не более того». «Деточками» он называл всех учеников, вне зависимости от возраста и положения. Или еще, в похожей ситуации: «Это не безобразно, а безобразно». Он очень любил «подлить масла в огонь», если в классе разгоралась дискуссия о регистровке, артикуляции, исполнении мелизмов. Давал вволю высказаться каждой стороне, но свое мнение выражал не всегда. Хвалил не часто, но если уж скажет «это неплохо», то исполнение и впрямь можно было считать вполне приличным.

Готовя нас, учеников, к концертам, Леонид Исаакович учитывал и оценивал многое: как вышел, как поклонился, как сел на лавку, какой на тебе концертный костюм, где стоит твой ассистент, как он стоит и куда смотрит. Критике подвергалось абсолютно все, и генеральные репетиции студенческих концертов становились серьезным испытанием. Впрочем, хватало не только слез, но и смеха, поскольку профессор обладал редким чувством юмора...

Мне, например, никак не удавалось дойти до середины сцены, где следовало поклониться публике, а затем, повернувшись, идти к органу. Поворот у меня получался слишком резким. Первый раз — плохо, второй — еще хуже, а третий — из зала доносятся слова профессора: «Деточка, вы чеканите шаг, как часовые у Мавзолея. Можно подумать, вы проходили строевую подготовку».

Наконец, начала играть. После первой фразы: «Это не Бах, а „Осенняя песня“ Чайковского. Еще раз». Начинаю снова. Из зала реплика: «Рыба дальневосточная! Никуда не годится!». С третьего раза удается доиграть до конца. Однако радоваться рано: профессор уже на сцене и со словами: «Что это за спина? Это осанка органиста?» — приставляет к моей спине остро отточенный карандаш. В полном унынии я плетусь домой. Но завтра, выходя на сцену, вдруг понимаю, что страх ушел. Конечно, есть волнение, но при этом и невероятное чувство радости, что сейчас я сяду за орган и буду играть.

Много лет спустя учитель объяснил мне: «Чтобы хорошо сыграть, надо иметь чувство уверенности, а для этого надо проверить себя в трудных ситуациях. Да, я иногда искусственно создавал такие ситуации на репетициях — перед концертом нельзя расслабляться. Если вы играете большую сольную программу, не думайте о всей программе, думайте о первом произведении, вернее, о первой его странице, а еще вернее — о первой фразе. Она должна звучать у вас в ушах, вы должны ощущать ее всем своим существом, и в этом состоянии концентрации начинайте и играйте дальше».

Леонид Исаакович был мудрым человеком. И человеком добрым, хотя очень строгим с виду. Он никогда не оставлял своих учеников: со всеми переписывался, был в курсе всех событий в жизни каждого, когда мог — помогал. Он очень хорошо понимал, в какой мир отпускает нас после окончания консерватории.

Нередко он приглашал нас поиграть на своих концертах-лекциях, которые проводил блестяще. Можно сказать, его лекции вызвали у публики восторг не меньшей, чем его концерты. Высокая культура, богатая эрудиция и опять-таки юмор профессора покоряли любую аудиторию. Случалось, остроумной фразой или просто интонацией ему удавалось выразить больше, чем было в то время дозволено.

Конечно, Леонид Исаакович был прежде всего мастером-исполнителем. Мне кажется, ему удавалось реализовать в своей игре то, чего он требовал от студентов: ясность звуковой ткани; цельность формы, когда произведение можно обозреть как бы с высоты птичьего полета; эмоциональный накал, заключенный в броню стального ритма (например, в баховских крупных формах). В музыке романтического стиля — очень красочная, с большим вкусом задуманная регистровка. В игре Ройзмана ощущалось качество, которое, как мне кажется, было свойственно людям его поколения (рожденным в начале века), — отсутствие суеты. Он никогда не суетился — ни на репетициях, ни на концертах. Сначала мне казалось, что его движения, его темпы несколько замедлены. И только потом, начав выступать сама, я поняла, что это — точное ощущение времени.

Репертуар Ройзмана был весьма широк. Он много играл Баха и композиторов добахов-

ской эпохи — Свелинка, Букстехуде, из старых французов — Куперена, Клерамбо. Часто исполнял музыку Листа — его листовскую программу в Большом зале консерватории, вероятно, помнят многие завсегдатаи органичных концертов. Среди любимых авторов Леонида Исааковича был также Сезар Франк.

Конечно, профессор играл и русскую органную музыку — Одоевского, Танеева, Глазунова, Шостаковича и Гедике, своего учителя, к памяти которого относился с особым почтением. Вечера «Памяти Гедике» стали традицией органного класса. Они проводились каждый год, причем в конце программы, после всех студентов, Леонид Исаакович обязательно играл сам.

А теперь, кроме концертов «Памяти Гедике», в Московской консерватории регулярно проводятся и вечера «Памяти Ройзмана». Когда отмечалось восьмидесятилетие профессора, на вечере играли студенты четырех органичных классов — Н.Н.Гуреевой, С.Л.Дижуря, О.Г.Янченко и А.А.Паршина.

И еще одно, очень важное направление деятельности Ройзмана. С его легкой руки стали регулярно выходить сборники современной органной музыки. Никому из композиторов, желавших писать для органа, Ройзман не отказывал в возможности познакомиться с инструментом — напротив, выделял время для регулярных занятий, всячески помогал и поощрял тех студентов, которые решались исполнить новое сочинение. Часто бывало, что в этом произведении недостаточно учитывалась специфика органа; случалось, некоторые места вообще невозможно было на нем сыграть, но критика профессора оставалась доброжелательной — он хотел привлечь к своему инструменту как можно больше людей, создать творческую среду.

В течение всей жизни Леонид Исаакович создавал уникальный труд — книгу «Орган в истории русской музыкальной культуры» (2-е издание книги в 2-х томах под научной редакцией Н.В.Малиной, расширенное, переработанное и дополненное новыми фактами, вышло в Казани в 2001 году). В ней использована масса источников, печатных и рукописных: архивные документы, мемуарная и эпистолярная литература, разные материалы по истории быта и культуры русского народа. До Ройзмана такой темы не ставил никто.

Все способности, вся энергия этого замечательного человека были направлены в одно — органное — русло. И, думается, многое, что мы имеем на сегодняшний день, — органное движение, год от года набирающее обороты по разным русским городам, строительство новых инструментов (всех уже и не перечислить!), международные конкурсы и фестивали, проходящие в России, которые значительно повысили уровень молодых исполнителей, вызвав тем самым взаимный интерес публики, — все это существует благодаря прочному фундаменту, положенному в основу современной российской органной культуры нашим незабвенным учителем — Л.И.Ройзманом.

Доц. Л.Б.Шишханова

Московская Государственная Консерватория им. П.И.Чайковского объявляет конкурс на замещение вакантных должностей профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников по кафедрам и подразделениям:

Специального фортепиано — профессор (4), доцент (2), ассистент (0,75)	Оперно-симфонического дирижирования — профессор
Концертмейстерского искусства — профессор (3), старший преподаватель (0,5)	Хорового дирижирования — доцент (0,5)
Межфакультетской кафедре фортепиано — профессор (2), доцент (3)	Инструментовки — старший преподаватель (0,5), преподаватель (0,25)
Теории музыки — профессор (2), доцент, преподаватель	Истории и теории исполнительского искусства — доцент (0,5), преподаватель (0,5)
Композиции — профессор, доцент (0,5)	Иностраных языков — старший преподаватель
Истории зарубежной музыки — профессор (2), доцент (2)	Русского языка — доцент
Истории русской музыки — профессор, доцент	Физического воспитания — доцент
Духовых и ударных инструментов — профессор (2)	Проблемной научно-исследовательской лаборатории — старший научный сотрудник
Скрипки — профессор	Вычислительному центру — ведущий научный сотрудник
Сольного пения — профессор	Электроакустическому центру — научный сотрудник (1,5)

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Выдающийся кларнетист **В.А.Соколов** (1936–1999) — яркий представитель отечественного духового исполнительства. Его стремительный путь в искусстве — путь типичного русского самородка. Профессионально заниматься музыкой он начал очень поздно, в 14 лет, а уже через 9 лет стал лауреатом Международного фестиваля в Вене и солистом оперно-симфонического оркестра Центрального телевидения и Всесоюзного радио. Еще через 4 года он — солист Госоркестра СССР и Лауреат Всесоюзного конкурса (I премия), признанный лидер кларнетового исполнительства в Москве. В этом качестве Народный артист России, профессор Московской консерватории Владимир Александрович Соколов находился до последних дней своей так внезапно оборвавшейся творческой жизни.

Выросший в северной таежной деревушке, Володя на всю жизнь остался очарован красотой природы родного края. В лесу, на рыбалке он, по свидетельству друзей, чувствовал себя в своей стихии. Казалось, что он понимал язык птиц, а рыба буквально «сама шла к нему в руки». Стереотипная фраза о том, что в творчестве музыканта отражается любовь к родной природе, по отношению к Володе приобретает свой первозданный смысл. Достаточно послушать в его исполнении пьесы, симфонии, камерную музыку русских композиторов, особенно Чайковского и Рахманинова, чтобы почувствовать в полетном звуке кларнета, в бесконечных по протяженности дыханиях мелодиях какое-то щемящее чувство нежности, которое возникает при взгляде на наши бескрайние, порой неприглядные пейзажи.

В многочисленных статьях и рецензиях, посвященных творчеству Соколова, его исполнение часто характеризуется как «академическое» в лучшем значении этого слова, включающее в себя бережное отношение к звуку, ясность фразировки, стремление точно донести до слушателя авторский замысел. К этому я бы еще добавил безупречный вкус Соколова — качество, о котором Д.Дидро говорил как о «приобретенной повторным опытом способности схватывать истину». Эта «способность схватывать истину» позволила кларнетисту создавать убедительные интерпретации сочинений не только рус-

С В Е Т Д У Ш И

К 70-летию со дня рождения В.А.Соколова

ских композиторов, но и венских классиков, немецких романтиков, французских импрессионистов, современных отечественных и западных авторов.

К счастью, осталось много аудиозаписей, запечатлевших творчество Соколова, благодаря которым почитатели таланта артиста и новые поколения кларнетистов и ныне могут по достоинству оценить его мастерство.

Замечательные образцы прочтения Соколовым музыки Моцарта, Бетховена, Вебера, Брамса — одна из вершин творчества мастера. Сравнив его трактовку сочинений К.Вебера и И.Брамса, слушатель может заметить, что даже в музыке композиторов одной традиции Соколов добивается большого стиливого разнообразия. Так, для музыки К.Вебера характерны яркий сверкающий звук, легкие, четко артикулированные штрихи, блестящее кларнетовое стаккато; брамовская экспрессия, напротив, создается во многом благодаря огромной динамической амплитуде звука «большого масштаба», насыщенный густому тембру инструмента и фразам большой протяженности. Именно в связи с трактовкой сочинений этого композитора уместно сказать об «академизме» манеры Соколова. Слушая Сонаты или Трио И.Брамса в исполнении Соколова, невольно вспоминаешь слова композитора из письма к Кларе Шуман: «Красивый, настоящий человек спокоен в радости и спокоен в страдании и горе. Страсти должны быстро улететь, либо же от них надо избавляться».

Когда в интерпретации Соколова звучат произведения французских композиторов (Ф.Пуленка, М.Битча, А.Мессаже, Э.Бозза, Ж.Руфф, М.Равеля), попадаешь в иную атмосферу: другое звучание кларнета, большее разнообразие образов — от тонких импрессионистических зарисовок до гротесковых эпизодов, резких, колющих звучаний. Стилиевые «попадания» исполни-

теля в этой музыке чрезвычайно убедительны.

Конечно, такое владение выразительными возможностями кларнета пришло к Соколову не сразу. Это — результат многолетнего упорного труда, но красота

и наполненность тона, необычайная полетность звука были отличительной чертой артиста уже в начале его блистательной карьеры.

Нынешнее поколение музыкантов почти забыло о немецких кларнетах; в начале же 60-х годов еще шли споры о преимуществах той или иной системы. Все признавали, что технические возможности французских кларнетов предпочтительнее, но их звучание, тембровая окраска, особенно у исполнителей, еще недавно игравших на «немцах», — не устраивали многих музыкантов и слушателей. Видимо, в тот переходный период многие не понимали, что другая природа инструмента требует перестройки всего аппарата дыхания, амбушюра, овладения новыми приемами звукоизвлечения, но прежде всего — «настройки» внутреннего слуха исполнителя на звук с иными тембральными характеристиками.

Именно в это время, в 1963 году, проходил Всесоюзный конкурс исполнителей на духовых инструментах в Ленинграде — городе, где позиции немецкого кларнета были чрезвычайно сильны. Блестящая игра Соколова, его техническая свобода, музыкальность, благородная манера исполнения и, особенно, звук сразу пришлось по вкусу взыскательной питерской публике. Музыкант продемонстрировал великолепные колористические возможности, все обаяние звука кларнета французской системы и тем самым показал молодым музыкантам тот идеал, к которому надо стремиться, овладевая новым инструментом.

Впоследствии, во время гастролей Госоркестра СССР, зарубежные коллеги-кларнетисты были почти так же поражены звуковыми возможностями кларнета в руках Соколова. Не просто звук, а «голос» Соколова в этом оркестре — одно из самых ярких впечатлений, переживаемых слушателями на концертах «светлановского» коллектива, где великий кларнетист проработал свыше 30 лет. Именно здесь им была создана целая галерея исполнительских шедевров в музыке Чайковского, Берлиоза, Брамса, Дебюсси и, конечно же, Рахманинова. Вторая симфония композитора стала визитной карточкой Госоркестра и Е.Светланова во многом именно благодаря игре Владимира Соколова. Его знаменитое соло в III части, захватывающее слушателей своей проникновенностью, сейчас можно услышать только в записях.

Все мы знаем, какой огромный труд кроется за блестящей, виртуозной игрой выдающихся исполнителей. Искусство же Соколова было таковым, что всем, даже сидящим рядом в оркестре казалось, что самое простое в жизни занятие — это игра на кларнете. Откровенно говоря, Володя просто избаловал дирижеров своим филигранным мастерством, той обманчивой

легкостью, с которой он «расправлялся» с оркестровыми трудностями, «предугадыванием» дирижерских намерений — качествами, свойственными редчайшим солистам оркестров. Именно благодаря этим незаурядным способностям ему посчастливилось работать с такими прославленными дирижерами, как А.Гаук, К.Иванов, И.Маркевич, Л.Маазель, З.Мета, А.Клюйтген, Ш.Мюнш.

Точно так же в его спокойной, невозмутимой манере поведения, красивой артистической внешности, предельной доброжелательности к коллегам и ученикам никак не угадывалась та огромная, напряженная деятельность, которую вел Соколов помимо оркестра, — интенсивная концертная жизнь, преподавание в течение 25 лет в Московской консерватории. В числе его учеников — музыканты, снискавшие мировое признание: Ю.Бабий, М.Безносков, Е.Петров, А.Богорад, А.Дреслер, Б.Пурыйинский и многие другие.

В сольный репертуар Соколова входили едва ли не все значительные произведения, созданные для кларнета, и почти все они записаны на пластинки и CD. Он выступал и записывался с выдающимися музыкантами и коллективами: Э.Вирсаладзе, Л.Тимофеевой, Н.Петровым, А.Наседкиным, В.Крайневым, квартетами им. Бородина, им. Бетховена, им. Комитаса и другими. Его любимым детищем, которому он отдал много сил, был квинтет духовых деревянных инструментов. Вместе с В.Зверевым, А.Любимовым, А.Деминим и С.Красавиным был создан один из лучших в мире ансамблей подобного рода, выступления и записи которого стали интереснейшим явлением в музыкальной жизни СССР. Деятельность Соколова-ансамблиста, его мастерство и невероятная интуиция в этой области исполнительства заслуживают отдельного внимания.

Владимир Александрович был светлым человеком, одним из немногих, у кого не было недругов. И этот свет души он умел выразить звуком своего любимого кларнета.

Он оставил после себя плеяду замечательных учеников, и в звучании их инструментов мы и сейчас можем слышать голос Владимира Соколова.

А. Шатский

КОНЦЕРТЫ

Переполненный зал, сопричастная и благодарная публика, приглушенная камерная обстановка — такое бывает только в редких концертах, как, например, на классном вечере знаменитого пианиста и педагога, Народного артиста России профессора **М.С.Воскресенского**. В концерте прозвучали сочинения Баха, Бетховена, Шумана, Листа, Скрябина, Рахманинова, Дебюсси, Шостаковича и других композиторов. Участие приняли исполнители различного возраста, темперамента, различной творческой индивидуальности, но всех, безусловно, объединил высокий уровень подготовки, полученный в классе своего маститого педагога.

Ученик ЦМШ Николай Хозинов, открывавший концерт, исполнил Шестую сонату Бетховена.

ТАКОЕ БЫВАЕТ РЕДКО

В уверенных и точных движениях рук, упругом туше и правильной фразировке уже чувствовались задатки опытного, по-взрослому думающего пианиста. Юноше удалось раскрыть сложный драматический мир бетховенской музыки и справиться с техническими трудностями даже в сверхдинамичном финале сонаты. Другой начинающий виртуоз Алексей Стариков исполнил сразу несколько разнохарактерных произведений. В прелюдии и фуге фа мажор из I тома «ХТК» Баха, сыгранных довольно быстро, пианист искусным сплетением полифонических линий сумел передать естественное и внутренне концентрированное течение композиторской мысли. В

«Дикой охоте» Листа он предстал во всеоружии технического мастерства, продемонстрировав публике отменное владение регистрами в скачковых приемах.

Еще больше порадовали студенты. Многие из них представили на суд публики глубоко прочувствованные и осмысленные интерпретации хорошо известных произведений. Анна Абакумова в «Играх воды» Равеля смогла передать тончайшие блики импрессионистической палитры, модуляции светотени и пространственные эффекты. Ориентальным аналогом импрессионизма и своеобразной национально-окрашенной интермеди-ей в концерте прозвучали «Четы-

ре прелюдии» Абрамяна в исполнении Микаэла Айрапетяна.

В заключение концерта исполнялась музыка Скрябина. В трех пьесах и поэмах пианистке Наталии Игумновой удалось воплотить хрупкую, эфемерную образность, капризно-импульсивную смену настроений скрябинской музыки. Выступавший под занавес Сергей Неллер вдохновенно исполнил пять этюдов Скрябина. Скромно и деликатно взойдя на эстраду и сев за рояль, пианист заиграл с какой-то необычайной легкостью и непринужденностью, будто импровизировал непосредственно во время исполнения. Этюды Скрябина в исполнении С.Неллера получили утонченно-

лирическое, вдохновенное прочтение. Убедительная интерпретация состоялась во многом благодаря чуткой, наэлектризованной манере исполнения, погружению в особую поэтическую атмосферу сочинений, а также прекрасному ощущению формы.

В целом концерт произвел самое благоприятное впечатление. Отраднo было слышать со сцены художественно и технически качественное исполнение, вдвойне отраднo, если к этому причастна творческая молодежь. Замечательно и то, что отечественная фортепианная школа с каждым годом пополняется первоклассными музыкантами — продолжателями дела Михаила Сергеевича Воскресенского.

Алексей Коваленко,
студент IV курса

СОБЫТИЕ

НАКАНУНЕ БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН

Эмма Борисовна, что сейчас происходит с Библиотекой консерватории?

Существует расхожее мнение о том, как легко живется и работает Библиотеке. Оно не только ошибочно, но и вредно. Работа библиотекаря даже в обычном, штатном режиме невероятно сложна: она включает в себя профессиональное и интеллектуальное начало и, к сожалению, не обходится без больших физических нагрузок, нервного напряжения, потому что обслуживание читателей в консерватории — не простой процесс. В наши читальные залы и на абонемент приходит музыкальная элита — люди с повышенными требованиями, и это приходится учитывать человеку, который предоставляет им необходимые издания, что, конечно же, накладывает на библиотекаря Московской консерватории дополнительную нагрузку. Закрытие Библиотеки хотя бы на один час сорвет занятия в целом ряде классов. Мы вынуждены подчиняться режиму жизни вуза.

Сейчас вузу исполняется 140 лет, Библиотека же немного старше — ведь изначально это библиотека Московского отделения ИРМО. Ее роль в жизни консерватории всегда была столь существенна, что в единственном учебном корпусе в 1899 году ей было отведено одно из лучших помещений — под Малым залом. И те помещения, которые мы занимаем сегодня, — это наши исторические помещения, полные света и вековой ауры.

Сегодня штат Библиотеки не соответствует объему работы. Благодаря фонду мы являемся, по сути, центральной отраслевой библиотекой и обязаны обслуживать посторонних. Более того, по статусу наша Библиотека — Информационный центр страны в области классической музыки — официальный производитель и поставщик информации, которая должна быть распространена и для российского пользователя, и на весь мир.

В каком состоянии находится помещение под Большим залом, в котором размещается фонд Хранения, который временно должен быть перемещен?

Половина наших фондов хранится в цокольном помещении под Большим залом, на глубине 3,5 метра. По сути же, это подвал. От такого помещения — бесконечной сырости, постоянного грибка на стенах, не просыхающих никогда, — ничего, кроме горя, мы не имели. И сколь пагубно это отражается на нотах, книгах и, главное, на людях — трудно себе представить. Можно было бы говорить и о том, какое огромное количество единиц в Хранении погибло во время войны. Но немалую часть фонда (мы даже не знаем, что было утрачено!) мы потеряли уже после войны, когда в подвале разорвались трубы. Постоянные протечки всегда создавали большие неприятности. У нас есть страшный акт, составленный Министерством культуры России, который просто вопиет о том, что в хранилище не только не созданы надлежащие условия, — там вообще не имеют права находиться ни человек, ни издания.

Как работники Библиотеки восприняли известие о рекон-

струкции Большого зала и вывозе фондов Хранения?

То, что в связи с реконструкцией консерватории эти помещения собираются приводить в порядок, мы, будучи людьми ответственными и любящими свою работу, восприняли с большим пониманием и желанием сделать все наилучшим образом. Но, конечно, наши силы имеют предел, поэтому внутренние отделы работают сейчас в режиме ограниченного обслуживания. Однако абонемент и читальный зал функционируют в полном объеме.

Какие проблемы стоят перед Библиотекой в настоящее время?

В помещении под Большим залом содержится около 800 тыс. экземпляров — в отделе Хранения происходит выдача оркестровых и хоровых материалов (в дополнение к абонементу). Сейчас Библиотека занимается тем, что, с одной стороны, пытается определить, что надо перевести, чем дополнить абонемент и читальный зал, чтобы, по возможности, не пострадало требования читателей. С другой стороны, мы стараемся максимально уплотнить наши площади и освободить два небольших помещения — как раз для размещения оркестрового фонда и, частично, фонда Хранения. Но это, конечно, капля в море.

В русской музыке нет ни одного музыкального деятеля, кто бы не воспользовался фондами нашей Библиотеки. И в этом ее величие.

Где будет размещен фонд?

Пока рассматривается перевод фонда в два специально построенных здания, принадлежащие Главному архивному управлению Москвы. Фонды будут там грамотно складированы. Поэтому мы пытаемся сейчас дополнить абонемент и читальный зал материалами из Хранения. Нужно отобрать всю оркестровую музыку. В этой работе нам помогают и дирижеры, руководители студенческих оркестров консерватории, за что мы им заранее благодарны. Они должны подать списки с тем, что им действительно необходимо. Много по спросу знает и сама Библиотека, но хотелось бы обойтись без ошибок, чтобы не оказаться потом без нот.

Как переносят повышенные нагрузки сотрудники Библиотеки, ведь по большей части все тяготы легли на хрупкие плечи женщин?

Конечно, сейчас нам нелегко. Но библиотечным Советом дирекции принято решение о том, что мы работаем столько, сколько нужно. Больше чем нужно. То есть проблема времени и нагрузок не является для нас преградой. Правда, есть один чисто технический момент: перевозить фонд нужно в коробках. Женщинам поднять и упаковать коробки с серьезным весом — а речь идет о десятках тысяч коробок и упаковок — невозможно. Поэтому нам нужна просто физическая мужская помощь. Мы очень благодарны за содействие Главному архивному управлению, которое выделило для работы у нас нескольких человек. В течение трех дней нам помогли 10 курсантов — выражаем признательность ректору Военной консерватории за оказанную поддержку. Потихоньку начинают появляться на-

ши, консерваторские студенты, хотя и дозированно, но мы благодарны и за это. Конечно, хотелось бы большей активности. Студенты должны понимать, что это и их библиотека.

Правда, что кто-то из студентов попросил за эту работу деньги?

Да, такое отношение очень покорило библиотечное ухо. Конечно, у нас существуют проблемы оплаты, но никто 50-ти человек, сотрудников Библиотеки, такого вопроса мне как директору не задавал.

Наверное, Вы должны гордиться таким коллективом?

Я думаю, что иначе быть не могло. Люди прекрасно знают, что консерватория понимает сегодняшние трудности Библиотеки. Мы, волнуемся, скорее, о том, чтобы не ошибиться и грамотно вывезти фонд, ничего не утратить. Все остальное — за скобкой. Надеемся, что работа библиотекарей, равно как и работа студентов, будет отмечена — и морально, и материально.

Есть ли понимание со стороны руководства?

Безусловно. Мы видим со стороны ректората помощь. В связи с будущей реконструкцией определяются и те площади, которые займет Библиотека в перспективе. Конечно, они должны

быть увеличены. На сегодняшний день основные фонды расположены в трех корпусах. Это очень неудобно для наших пользователей и, кроме того, не обеспечивает в полной мере сохранность материала. Но мы, библиотекари, всерьез объясняем тем, от кого это зависит будущее НМБТ, что *волей исторической судьбы*, а вовсе не усилиями консерватории, она стала обладателем выдающегося фонда России, одного из крупнейших в мире. В этом огромная заслуга музыкантов и библиотекарей. За 140 лет сюда, на Б.Никитскую (Герцена), усилиями директоров Библиотеки были переданы несколько исторических библиотек России. В феврале этого года мы получили одну из них — библиотеку издательства «Музыка», бывшую Нотницу П.И.Юргенсона.

Руководство должно понимать, что Библиотека — это не только фонд для обеспечения учебного процесса МГК. Этот фонд, в соответствии с Библиотечным законом, принадлежит государству и гражданам нашей страны. И консерватория должна обеспечить такое размещение изданий и вести такую кадровую политику в отношении библиотечных работников, чтобы Библиотека действительно работала на русское музыкальное искусство. Сегодня мы будем располагать фондом более чем в 1,5 млн. единиц. Поэтому перед руководством вуза и проектировщиками стоит очень серьезная задача: грамотно разместить библиотеку, учитывая баланс интересов — пользовательских (как консерваторских, так и посторонних), сохранности и, конечно, принять во внимание современные требования, предъявляемые к библиотекам.

Несмотря на грядущие перемены, продолжает ли Библиотека вести учебно-методическую и просветительскую работу?

Мы смогли по инициативе нашей Библиотеки и при помощи Факультета повышения квалификации провести курсы для работников музыкальных библиотек страны. Программа была чрезвычайно интересной. Там были и две лекции, связанные с музыкальным искусством, в частности, по современной нотации и музыке барокко. Невероятный интерес к музыке этой эпохи привел к тому, что исследователями, работающими в архивах, введены в оборот многие новые имена, которых не знают библиотекари. География наших слушателей была весьма широкой — на занятия прибыли специалисты из Карелии, Якутии, с Урала, из многих регионов и городов нашей страны. В этой работе принимала участие не только наша Библиотека, но и наши коллеги из Российской государственной библиотеки; на один день из Санкт-Петербурга прилетела зав. нотным отделом Российской национальной библиотеки, чтобы тоже прочитать свою лекцию. Мероприятие прошло под эгидой Российской библиотечной ассоциации и Секции музыкальных библиотек, которой руководим мы.

В это же время была проведена очередная, восьмая по счету, Международная научная конференция, посвященная русским музыкальным архивам за рубежом и зарубежным архивам в России. В этом году в ней принимали участие, в частности, преподаватель из Японии Мичико Осанаи (Университет Хоккайдо) и Ван Цзяньсинь, профессор из Китая.

Какой Вы видите Библиотеку консерватории в недалеком будущем?

В результате реконструкции наша Библиотека должна стать современной, отвечающей европейским требованиям и стандартам, крупнейшим информационным центром. Мы хотели бы разместить часть фондов в открытом доступе, часть фондов — в электронном виде, чтобы Библиотека была в определенной степени виртуальной и могла бы обслуживать удаленного пользователя. Конечно, мы хотели бы предоставить нашим посетителям возможность работы в Интернете. Библиотека Московской консерватории — это одна из визитных карточек нашего вуза, его гордость, которая является достоянием всей страны. В будущем она должна быть расположена так, чтобы быть украшением и с точки зрения дизайна. Наша Библиотека давно этого заслужила. В русской музыке нет ни одного имени, ни одного музыкального деятеля, кто бы ни воспользовался ее фондами. И в этом ее величие.

**С директором
Научной музыкальной
библиотеки им. С.И.Танеева
Э.Б.Рассиной
беседовала редактор
Мария Макарова**

КОНФЕРЕНЦИИ

СЛОВО И МУЗЫКА

Когда из жизни уходят истинно великие люди, то долг остающихся — продолжать по мере сил их дело; а если это невозможно, тогда просто помнить о них и передавать свою память тем, кто приходит следом.

Труды А.В.Михайлова в области науки о музыке невозможно переоценить, а ведь это только часть всех его трудов. Одним из его начинаний в стенах Московской консерватории стала организация конференций под названием «Слово и музыка». Эти конференции были призваны открывать новые грани взаимосвязи словесного и музыкального искусств. Их участниками становились не только музыковеды, но и филологи; «круглый стол», задуманный как важная составляющая мероприятия, собирал вместе всех участников в конце конференции — в это время происходило творческое общение ученых самых разных областей знания. Пламенеющим факелом, который зажигал творческую инициативу людей, был сам Александр Викторович.

Теперь, по прошествии десяти лет со дня смерти Александра Викторовича, можно сказать, что, хотя главный факел угас, остались гореть огни, которые были им зажжены. Конференции «Слово и музыка» памяти А.В.Михайлова стали регулярно проводиться в Московской консерватории, и для многих людей они стали истинным праздником.

Одна из таких конференций проходила 2 и 3 ноября прошедшего года. На ней прозвучало множество интересных, оригинальных докладов. Многие из них были связаны с осмыслением творческого наследия самого А.В.Михайлова, что в рамках данной конференции воспринималось более чем уместно. Темы некоторых докладов были мало связаны с музыкой, чем вызвали упрек со стороны некоторых музыковедов. Нам этот упрек кажется несправедливым, поскольку такие доклады звучали не от имени музыковедов, а от приглашенных к нам из других институтов филологов. Мы же должны содействовать тому, чтобы творческая связь между учеными разных специальностей становилась крепче и плодотворней. Почетным гостем на конференции была Нора Андреевна Михайлова, вдова Александра Викторовича.

Огромную благодарность хочется высказать организаторам этой конференции — проф. Е.М.Царевой, доц. Д.Р.Петрову, проф. Е.И.Чигаревой, проф. К.В.Зенкину, благодаря которым стал возможен этот замечательный праздник музыкальной науки.

**Ассоль Митина,
студентка IV курса**

Главный редактор: проф. Т.А.Курьшева
Редакторы:
доц. С.В.Наборщикова, М.В.Щеславская
Редактор выпуска: М.В.Щеславская
Оригинал-макет: Д.О.Чехович
Верстка: 14.03.2006

125009, Москва, ул. Б.Никитская, 13
e-mail: rio@mosconsv.ru
Газеты МГК в Интернете:
http://www.mosconsv.ru
ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА
ОБЯЗАТЕЛЬНА